

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/1813-145X-2025-4-145-248

EDN: ANCVIZ

Формирование представлений о соотношении Неба и человека в Когурё

Ян Лу¹, Чжан Чао²

¹Доцент, научный руководитель магистрантов, Институт истории, культуры и туризма, Хэйлунцзянский университет. 150080, КНР, г. Харбин, ул. Сюэфу, 74

²Преподаватель, Институт истории, культуры и туризма, Хэйлунцзянский университет. 150080, КНР, г. Харбин, ул. Сюэфу, 74

¹2022002@hlju.edu.cn, <https://orcid.org/0009-0008-9397-1274>

²2024016@hlju.edu.cn, <https://orcid.org/0009-0001-4529-7878>

Аннотация. В статье отмечается, что Когурё как один из древних народов Китая, возникший среди гор, рек и лесов, с ранних времён сформировал культ почитания Неба, Земли и природы, органично интегрировав эти представления в собственную систему мифов и верований. Под продолжительным влиянием культуры Центрального Китая Когурё постепенно углубляло своё понимание взаимосвязи между Небом и человеком, сочетая это с особенностями собственной традиции. Подчеркивается, что мировоззрение о связи Неба и человека в Когурё включало, прежде всего, космологическую концепцию взаимодействия Неба и Земли, натурфилософское восприятие гармонии между человеком и природой, а также политическую модель, в которой в условиях взаимного отклика Неба и человека равное значение придавалось как ритуальным нормам, так и принципу «царского пути». Эта система не только демонстрировала уникальную роль мифологии и веры в этническом развитии и государственном управлении, но и стала ядром социальной и политической культуры Когурё. Подчеркивается, что духовная культура Когурё в процессе исторического развития находилась в состоянии постоянной эволюции, однако концепция взаимодействия Неба и человека всегда занимала в ней центральное место.

Ключевые слова: Когурё; мировоззрение о связи Неба и человека; настенные росписи в гробницах; мифология; вера; политика; духовный мир

Для цитирования: Ян Лу, Чжан Чао Формирование представлений о соотношении Неба и человека в Когурё // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 4 (145). С. 248–256. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-4-145-248>. <https://elibrary.ru/ANCVIZ>

HISTORICAL ASPECTS OF THE STUDY OF CULTURAL PROCESSES

Original article

Formation of ideas about the ratio of Heaven and man in Goguryeo

Yang Lu¹, Zhang Chao²

¹Associate professor, supervisor of Master's degree students, Institute of history, culture and tourism, Heilongjiang university. 150080, People's Republic of China, Harbin, st. Xuefu 74

²Teacher, Institute of history, culture and tourism, Heilongjiang university. 150080, People's Republic of China, Harbin, st. Xuefu 74

¹2022002@hlju.edu.cn, <https://orcid.org/0009-0008-9397-1274>

²2024016@hlju.edu.cn, <https://orcid.org/0009-0001-4529-7878>

Abstract. The article notes that Goguryeo, as one of the ancient peoples of China, which arose among mountains, rivers and forests, from early times formed a cult of veneration of Heaven, Earth and nature, organically integrating these ideas into its own system of myths and beliefs. Under the continued influence of the culture of Central China, Goguryeo

gradually deepened its understanding of the relationship between Heaven and man, combining this with the peculiarities of its own tradition. It is emphasized that the worldview about the connection between Heaven and man in Goguryeo included, first of all, the cosmological concept of the interaction of Heaven and Earth, the natural philosophical perception of harmony between man and nature, as well as a political model in which, in conditions of the mutual response of Heaven and man, equal importance was given to both ritual norms and the principle of the «royal path». This system not only demonstrated the unique role of mythology and faith in ethnic development and governance, but also became the core of Goguryeo's social and political culture. It is emphasized that the spiritual culture of Goguryeo in the process of historical development was in a state of constant evolution, but the concept of interaction between Heaven and man has always occupied a central place in it.

Key words: Goguryeo; a worldview about the connection between Heaven and man; wall paintings in tombs; mythology; faith; politics; spiritual world

For citation: Yang Lu, Zhang Chao Formation of ideas about the ratio of Heaven and man in Goguryeo. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2025; (4): 248-256. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-4-145-248>. <https://elibrary.ru/ANCVIZ>

Введение

Концепция взаимоотношений Неба и человека (тянь-жэнь гуань) является центральной темой философского дискурса Китая и всей Восточной Азии. Стремление постичь связь между Небом и человеком, проникнуть в суть перемен древности и современности можно по праву назвать высшим идеалом китайской культуры. Концепция «тянь-жэнь гуань» представляет собой мировоззренческую систему, через которую человек осмысливает природу мироздания и собственное бытие, являясь фундаментальной философской моделью для постижения глубинных взаимосвязей между человеком и Вселенной. Данная концепция, в основе которой лежат категории «Небо», «человек» и «взаимоотношения Неба и человека», оказывает определяющее влияние на этико-моральные принципы, политические воззрения и поведенческие нормы общества.

Когурё, которое правители Срединного государства относили к «восточным варварам» (дунь), представляло собой древний этнос, сформировавшийся на северо-востоке Китая. Когурёсцы воплощали своё мировосприятие в различных аспектах социокультурной жизни – мифологии, фольклоре, материальной культуре, изобразительном искусстве и многом другом. В академической среде накоплен значительный корпус исследований по культуре Когурё, охватывающий межкультурные контакты, институциональные системы, погребальную архитектуру и другие сферы; соответствующие обзорные труды уже представили детальный анализ этих работ [Чжу Цзянь, 2020, с. 123-144; Гэн Тэхуа, 2019, с. 163-179]. Однако духовный мир когурёсцев остаётся относительно малоизученным: большинство исследований фокусируется на влиянии конфуцианства, буддизма и даосизма на

культуру Когурё [Линь Маоюй, Ли Лунбинь, 2002, с. 52-56; Лю Вэй, 2014, с. 21-23; Сунь Вэйжань, 2020, с. 59-64]. Между тем, в процессе исторического становления и развития духовная культура когурёского этноса непрерывно эволюционировала и обогащалась. В сложной мировоззренческой системе Когурё концепция взаимоотношений Неба и человека неизменно занимала центральное положение. Таким образом, изучение когурёской интерпретации данной концепции имеет ключевое значение для глубинного понимания сущности и своеобразия этой культуры.

Результаты исследования

Космология взаимопроникновения Неба и Земли

В мировоззрении когурёсцев «Небо» и «Земля» являлись фундаментальными элементами мироздания. Несмотря на их различную природу, они не были изолированы друг от друга, а находились в постоянном взаимодействии и тесной взаимосвязи. Данное мировосприятие пронизывает всю культуру Когурё и наиболее ярко проявляется в мифологии и настенной живописи гробниц.

Как в официальных исторических хрониках, так и в мифах об основании государства когурёсцы неизменно подчёркивали, что их прародитель Чумон (Чуму) являлся «сыном Небесного владыки» [Ким Бусик, 2003], «сыном Августейшего Неба» [Стела Квангэтхо-вана, 2016] или «сыном Солнца» [Вэй Шоу, 1974]. Поскольку Солнце пребывает на небе, определения «сын Неба» и «сын Солнца» по сути призваны подчеркнуть небесное происхождение Чумона по отцовской линии. Мать Чумона, Юхва, была «дочерью Хэбо» – божества рек. Хэбо, властелин водной стихии, несомненно, принадлежит земному миру. Таким образом, миф о Чумоне пред-

ставляет собой классический пример мифа типа «небесный отец – земная мать», где Чумон выступает как плод союза Неба и Земли.

Концепция Неба и Земли также нашла отражение в системе наименований пяти когурёских племён. В «Саньго чжи» говорится, что изначально было пять родов: Ённо-бу, Чольно-бу, Сунно-бу, Кванно-бу и Керу-бу. Первоначально правил род Ённо-бу, но постепенно ослабел, и ныне его сменил род Керу-бу [Чэнь Шоу, 1974], что указывает на происхождение королевского дома из племени Керу-бу. Согласно мифологической генеалогии, прародитель Чумон был сыном Небесного владыки, королевский род происходил из Керу-бу, которое также именовалось «Жёлтым племенем». Сочетание таких элементов, как «королевский род», «Небо», «Жёлтое племя» и «жёлтый дракон», встретивший Чумона, естественным образом вызывает ассоциации с понятием «Августейшее (Жёлтое) Небо». Прежнее правящее племя Ённо-бу (Чольно-бу) называлось «Задним племенем», что в сочетании с «Августейшим (Жёлтым) Небом» племени Керу-бу образует формулу «Августейшее Небо и Владычица-Земля», свидетельствуя о сознательной интеграции небесных и земных элементов в процессе этногенеза и самоидентификации когурёсцев.

«Небо» и «Земля» иногда интерпретировались как «небесный мир» и «мир людей». В «Лян шу» о рождении Чумона сказано: «Прежде увидела на небе сияние, подобное яйцу, которое спустилось ко мне, отчего и понесла» [Яо Сылянь, 1973], что указывает на нисхождение Чумона из небесного мира в земной. На стеле Квангэтхо-вана уход Чумона из жизни описан так: «Не желая более занимать мирской престол, повелел жёлтому дракону спуститься и встретить государя. Государь на восточном холме Хольбон взошёл на голову дракона и вознёсся на небо» [Стела Квангэтхо-вана, 2016], что свидетельствует о возвращении Чумона (Чуму) после смерти в небесный мир. Это показывает, что когурёсцы воспринимали «небесный мир» и «земной мир» как два различных пространства, которые при определённых условиях могли общаться между собой. Подобное восприятие Неба и Земли составляло основу ранней когурёской космологии.

На примере гробницы в Токхын-ни видно, что когурёсцы представляли Вселенную как «трёхчастный космос», состоящий из «астрономической вселенной», «мира бессмертных» и «профанного мира». Такая композиция выражала

стремление усопшего свободно перемещаться между тремя уровнями космоса, наслаждаясь богатством и высоким положением и одновременно активно стремясь к обретению бессмертия [Ян Лу, 2021]. Подобная космологическая модель также представлена в гробницах Какчхо-чхон, Муён-чхон, Самсиль-чхон, Чанчхон № 1 и других когурёских погребениях, что свидетельствует о её типичности, а не исключительности.

Поскольку в представлениях когурёсцев Небо и Земля были взаимосвязаны, особую важность приобретали необходимые условия для их коммуникации. По мнению автора, существует два необходимых условия: во-первых, определённый медиатор, во-вторых, надлежащий способ. В качестве медиаторов, обеспечивающих связь между Небом и Землёй, выступали четыре основных типа образов: растения, животные (мифические существа), божества-бессмертные и сакральные проходы.

В настенной живописи ранних и средних когурёских гробниц деревья встречаются значительно чаще, чем в поздних погребениях. Например, в гробницах Какчхо-чхон, Муён-чхон и Чанчхон № 1 в Чипане на видных местах погребальных камер изображены высокие деревья. Будь то «Цзяньму» в китайской мифологии или «священное дерево» в мифе о Тангуне, во всех этих культурах деревья рассматривались как символ связи между Небом и Землёй, подобно «небесной лестнице» [Ян Лу, 2020]. Помимо деревьев, лотос также являлся растением, способным соединять Небо и Землю. В восточноазиатской культуре лотос символизирует культ плодородия [Ян Лу, 2019] и часто выступает как проводник в мир бессмертных. Лотос не только олицетворяет продолжение жизни и перерождение, но и может рассматриваться как медиатор между «небесным миром» и «земным миром», воплощая связь и коммуникацию между человеком и божествами.

В качестве зооморфных медиаторов с аналогичными функциями выступали преимущественно реально существующие собаки, «Четыре священных животных» и различные мифические существа. В ранней когурёской погребальной живописи часто встречаются изображения собак, особенно в сценах охоты и повседневной жизни, как в гробницах Муён-чхон и Чанчхон № 1. Хотя собаки в этих сюжетах выступают как охотничьи псы и домашние питомцы, в восточноазиатской культуре собака также считается животным, обладающим способностью к связи с потусторон-

ним миром. Поэтому изображение собак в загробном мире усопшего символизирует их функцию проводников или защитников души покойного.

«Четыре священных животных» (сасин) – собирательное название четырёх великих мифических существ: Чуджака (Красной птицы), Хёнму (Чёрной черепахи-змеи), Чхоннён (Лазурного дракона) и Пэкхо (Белого тигра), которые являются наиболее распространёнными образами в древних восточноазиатских гробницах. «Культурная функция изображений четырёх священных животных заключается в сопровождении души усопшего при вознесении на небо [Чжан Бибо, 2005].

Помимо животных и растений, в когурёской погребальной живописи часто появляются различные божества: Хуан-ди, Шэнь-нун, Фу-си, Нью-ва, Си-ван-му, Нью-лан (Пастух), Чжи-ньюй (Ткачиха), Цан-цзе, Суй-жэнь-ши, а также различные бессмертные и оперённые люди. Появление «божественных людей» и «бессмертных» отражает процесс эволюции образов божеств в мифологической системе: от зооморфных к фантастическим животным, затем – к антропозооморфным гибридам, и в конечном итоге – к полностью антропоморфным образам. Эти божества и бессмертные выступали не только как психопомпы, проводящие усопшего в небесный мир, но и как его покровители при жизни и после смерти.

Натурфилософия взаимного благоденствия Неба и человека

Небо почиталось как величественная и священная сущность, превосходящая человека. Однако в большинстве случаев отношения между Небом и человеком носили гармоничный характер. Прародитель Когурё Чумон именовался «сыном Небесного владыки», и эта легенда фундаментально утвердила тесную связь между Небом и человеком.

Небо означало не только небесных божеств и божественный мир, но и олицетворяло природу. В Когурё много высоких гор и глубоких долин, нет равнин и болот. Хотя живут в горных долинах, пьют воду из горных потоков [Чэнь Шоу, 1974]. Народ существовал в зависимости от гор и рек, в соседстве с птицами и зверями, что привело к формированию культов природы: почитания гор [Ян Лу, Ким Михён, 2022], солнца и птиц [Ян Лу, Цюань Ин, 2020]. Эти верования впоследствии соединились с культом плодородия и почитанием бессмертных, а с проникнове-

нием культуры Срединного государства интегрировали элементы буддизма, даосизма и конфуцианства, образовав в итоге сложную религиозную систему.

Близость когурёсцев к природе отражалась и в тронных именах правителей: Сансан-ван (Правитель Горной вершины), Тончхон-ван (Правитель Восточного потока), Чунчхон-ван (Правитель Среднего потока), Сочхон-ван (Правитель Западного потока), Понсан-ван (Правитель Пика), Мичхон-ван (Правитель Прекрасного потока), Сосурим-ван (Правитель Малого звериного леса) – все эти имена происходили от топонимов мест погребения монархов. По мнению исследователей, использование когурёсцами природных топонимов в качестве тронных имён не было случайным, а отражало культ гор и природы, свидетельствуя о гармоничном сосуществовании с природой.

В мифе о Чумоне новорождённый был брошен посреди дороги, но собаки и лошади не причинили ему вреда. В процессе взросления и основания государства птицы, рыбы и черепахи защищали и помогали ему. Подобные мифологические мотивы отражают не только анимистические представления, но и концепцию «божественной санкции власти» Чумона. Журавли, косули, олени обычно считались благоприятными знаменами и изображались в погребальной живописи и на изысканных предметах. Тигр же часто воспринимался как предвестник бедствий. Однако образ тигра не был исключительно негативным: в «Самгук юса» представлена благочестивая и добросердечная тигрица, ценящая долг и привязанность [Ирён Самгук юса ... , 2009]. Это показывает, что в сознании когурёсцев символическое значение животных было амбивалентным.

В повседневной жизни когурёсцы также поддерживали тесные отношения с животными. Только на северной стене гробницы Чанчхон № 1 (рис. 1) [Археологический отряд ... , 2009] изображено более десятка видов животных: обезьяны, разномастные лошади, собаки, чёрный медведь, охотничий сокол, фазаны, косули, тигр, белый заяц, соболь, ласка, кабан, мускусный олень. Живые и непринуждённые сцены представлений и музицирования, напряжённые и динамичные картины лесной охоты предстают перед глазами, являя образ гармоничного сосуществования человека и природы.

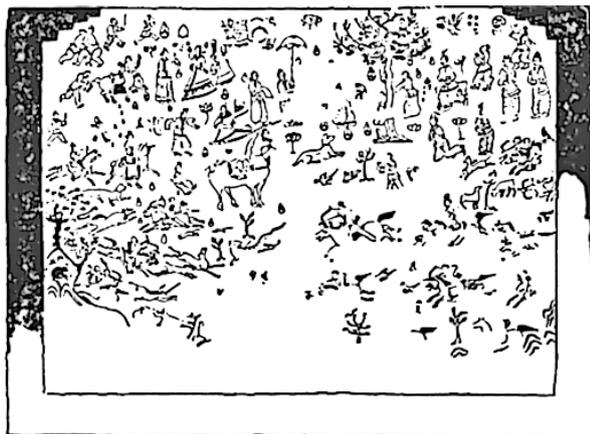

Рисунок 1. Прорисовка росписи северной стены и северной части плафона передней камеры гробницы Чанчхон № 1

Страсть когурёсцев к охоте, помимо тесной связи с природной средой, объяснялась тем, что охота служила символом демонстрации статуса и величия правящего класса. В «Самгук саги» многократно упоминаются охотничьи выезды когурёских правителей разных эпох. Анализ исторических записей показывает, что охота проводилась преимущественно осенью. Это отражает уважительное отношение когурёсцев к природе: весна и лето — время размножения и роста животных, когда убийство считалось неуместным.

Когурёсцы выражали веру в Небо через устную традицию, письменность и изображения, демонстрируя эту веру всем слоям общества посредством простых или сложных ритуалов. Исторические источники сообщают, что когурёсцы почитали духов, любили обильные жертвоприношения [Вэй Чжэн, 1975]. Объектами поклонения были дух звезды Лин, дух Солнца, дух Кагана, дух Цзы-цзы [Лю Сюй, 1975], «дух Пуё, дух Восхождения на высоту» [Ли Даши, 1974], а также упомянутые ранее духи проходов.

Когурёсцы любили музыку, их музыкально-танцевальная культура процветала. Некоторые учёные полагают, что длинные рукава танцевальных костюмов и позы с отведёнными назад руками в погребальной живописи имитировали форму птичьих крыльев, выражая через танец поклонение Небу. Эта танцевальная форма рассматривается как «небесный танец» или танец полёта в небеса, воплощающий почтение и эмоциональную связь с Небом, Землёй и предками [Ко Кёнхи, 2015]. В ранней когурёской погребальной живописи музыкально-танцевальные сцены появлялись преимущественно в контексте пиршеств. В средний и поздний периоды музыка часто сочеталась с образами бессмертных и изображалась на плафонах погребальных камер,

что усиливало функцию музыки как средства услаждения божеств и коммуникации с небесным миром.

Трансформация «птица – божественная птица – оперённый человек» является показательным примером: несмотря на почитание Неба и божеств, конечной целью когурёсцев было стремление заручиться божественным покровительством для человеческих нужд и даже попытки самим «стать» божествами. Движимые этим стремлением, сменявшие друг друга когурёские правители активно конструировали отношения с божествами, стараясь создать собственный сакральный образ. Например, Чумон, коварно убитый правителями Срединного государства, в родной мифологии был идеализирован как вознёсшийся на небо на жёлтом драконе [Ли Далун, 2021]. В целом отношение когурёсцев к Небу можно охарактеризовать как «почтительное», но не «раболепное»: их благоговение перед божествами было направлено главным образом на обретение собственных прав и благополучия.

Политическая философия гармонии ритуала и царского пути в контексте взаимного резонанса Неба и человека

На ранних этапах человеческого общества люди находились в тесной связи с природой, зависели от её сил и испытывали благоговейный трепет перед такими явлениями, как ветер, дождь, гром и молния. С развитием мировоззрения природа постепенно абстрагировалась в понятие Неба. Концепция «взаимного резонанса Неба и человека» означает, что изменения Неба могут влиять на ход земных дел, а человек способен через свои поступки и деяния устанавливать связь с Небом и вызывать его отклик.

В мифе о Чумоне уже присутствует множество элементов, связанных с этой концепцией. Так, мать Чумона зачала от солнечного света; когда новорождённый Чумон был брошен на дороге, свиньи и собаки не тронули его, коровы и лошади не топтали, а птицы укрывали его своими перьями. Также говорится: когда Чумон достиг долины Модун у реки Сольсу и встретил троих людей... он обратился к народу: «Я только что получил небесный мандат и намерен заложить основы великого дела, а тут встретил этих трёх достойных – разве это не дар Неба?» И оценив их способности, назначил каждого на подобающую должность [Ким Бусик, 2003]. «Небесный мандат» означает волю Неба о даровании императорской власти. Чумон не только призна-

вал эту концепцию, но и намеренно подчёркивал её. Данная идея укрепляла легитимность власти Чумона и его преемников и придавала политической власти трансцендентный религиозный ореол.

Согласно «Самгук саги», девятнадцать лет правления Чумона в государстве царили благоприятные климатические условия, одерживались военные победы, часто появлялись благие знамения, и не случилось ни одного бедствия. Благоприятные явления – жёлтый дракон, счастливые облака, божественные птицы, птицы-луани – отмечались пять раз, что значительно превышает частоту подобных явлений при последующих правителях Когурё, а также при современных им монархах Пэкче и Силла.

Тесная взаимосвязь между концепциями «взаимного резонанса Неба и человека» и «божественной санкции власти» проявлялась двояко: когда правитель усердно трудился на благо государства, являлись благие знамения; когда же монарх был бездарен и порочен – следовали непрерывные бедствия. В отличие от династий Среднего государства, строго следовавших принципу передачи власти от отца к сыну, в Когурё часто практиковалось наследование от старшего брата к младшему или от дяди (старшего или младшего) к племяннику. При таких формах наследования также случалось, что действующий король свергался или убивался за небрежение государственными делами, и на престол возводился другой член королевского рода. Для предотвращения внутрдинастической борьбы за власть находившиеся в «слабой позиции» претенденты намеренно акцентировали концепции взаимного резонанса Неба и человека и божественной санкции для усиления собственной политической легитимности и укрепления позиций.

В представлениях древних благие знамения и бедствия считались важнейшими критериями оценки достоинств правителя. Поэтому «Самгук саги» детально фиксирует оба типа явлений, часто верифицируя упомянутые знамения последующими событиями. Монархи часто встречали божественных существ во время охоты, жертвоприношений в предместьях и инспекционных поездок, что символизировало их добродетельное правление; различные бедствия же происходили преимущественно вблизи столицы, служа предостережением правителю. Например: «В тринадцатый год правления Поджан-вана (654), летом в четвёртом месяце, некто сообщил:

“На вершине горы Марён видели божественного человека, который сказал: ‘Вы, правитель и подданные, расточительны без меры, крушение неизбежно’”» [Ким Бусик, 2003]. После этого события в Когурё участились бедствия, Поджан-ван утратил государство, династия прервалась, и он стал последним монархом погибшего царства.

Использование концепции взаимного резонанса Неба и человека для конструирования легитимности политической власти было не только внутренней потребностью королевского дома, но и общим убеждением всего правящего класса. В настенной живописи когурёских гробниц привязанность к земной власти сосуществует со стремлением к пути бессмертных. Иными словами, в представлениях усопших о загробном мире вознесение на небо и обретение бессмертия было конечной целью, а сохранение прижизненного политического статуса и материального благополучия – базовым требованием. Именно исходя из этой концепции владельцы гробниц вкладывали огромные усилия в детальное воспроизведение картин земной жизни.

В гробнице Токхын-ни, например, на северной стене передней камеры не только тушью указаны происхождение, вероисповедание, должность и год смерти владельца гробницы Чина, но и подчёркнуто благопожелание: «Богатство на семь поколений, потомки процветают, продвигаются по службе вплоть до князей и ванов» [Чон Хотхэ, 2016].

В гробнице Чина росписи изображают сцены его службы, выездов и аудиенций, с особым указанием должностей подчинённых чиновников. Социальная иерархия передаётся через размер фигур, одежду и расположение персонажей: владелец гробницы в любой сцене изображён самой крупной фигурой в центральной позиции, что подчёркивает его статус и власть. Подобное изображение недвусмысленно свидетельствует о том, что усопший был удовлетворён своей земной жизнью и стремился сохранить всё это после смерти.

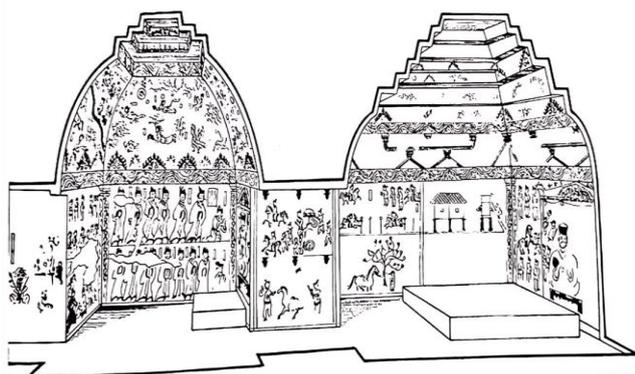

Рисунок 2. Гробница в Токхын-ни (вид с востока на запад)
[Чон Хотхэ, 2016]

Возможность инвестировать огромные средства в сооружение монументальных гробниц с росписями имели, как правило, только представители правящего класса. Они поручали мастерам изображать в погребальных камерах лотосы, мифических существ, божественных людей, оперённых людей и другие символы небесного мира и благих знамений, моля о небесном покровительстве для себя и потомков. Через эти изображения концепция «взаимного резонанса Неба и человека», а также принципы конструирования и поддержания политического порядка получили визуальную фиксацию и выражение.

Заключение

Когурёсцы почитали природу и выступали за гармоничное сосуществование человека с природным миром. Они чтили Небо, совершали жертвоприношения Небу, считали себя «детьми Неба» и неустанно стремились сократить дистанцию между собой и «Небом». В мифологии элементы «восхождения к Небу» постоянно переосмыслились, порождая образы чудесных растений и животных, способных соединять небесный и земной миры или перемещаться между ними. Эти сакральные образы воплощались в погребальной настенной живописи, формируя символическую «трёхчастную вселенную» для вознесения души и выражая стремление усопшего к освобождению души от телесной оболочки и восхождению на небо для обретения бессмертия.

Одновременно когурёсцы активно усваивали доктрину «взаимного резонанса Неба и человека» из династий Срединного государства, документируя различные «божественные знамения» и «благоприятные предзнаменования» для укрепления легитимности королевской власти. Исходная мечта о «восхождении к Небу» непрерывно трансформировалась в религиозной и по-

литической сферах, оказав глубокое влияние на развитие социокультурной традиции Когурё.

Библиографический список

1. Археологический отряд провинции Цзилинь, Управление охраны памятников уезда Цзиань. Гробница с росписями Чанчхон № 1 в Цзиане // Сборник отчётов о когурёских погребениях в Цзиане провинции Цзилинь. Пекин : Кэсюэ чубаньшэ, 2009.
2. Вэй Чжэн. Суй шу. Восточные варвары. Повествование о Гаоли. Пекин : Чжунхуа шуцзюй, 1975.
3. Вэй Шоу Вэй шу. Повествование о Когурё. Пекин : Чжунхуа шуцзюй, 1974.
4. Гэн Техуа Столетний обзор исследований истории и культуры Когурё // Фронт общественных наук. 2019. № 8. С. 163–179.
5. Ирён. Самгук юса Чувства и отклики. Седьмая глава. Ким Хён укрощает тигра / пер. Чэнь Пуцина. Чанша : Юэлу шушэ, 2009.
6. Ким Бусик Самгук саги. Анналы Когурё. Основатель Тонмён-сонван / под ред. Сунь Вэньфая. Цзилинь : Цзилинь вэньши чубаньшэ, 2003. С. 174–175.
7. Ко Кёнхи. Мировоззрение «пичхон», заложенное в танцах Когурё // Исследования корейского танца. 2015. Т. 33.
8. Ли Далун. Анализ исторического контекста и целей конструирования мифа об основании государства Когурё // Исторический сборник. 2021. № 5.
9. Ли Даши. Бэй ши. Повествование о Гаоли. Пекин : Чжунхуа шуцзюй, 1974.
10. Линь Маоюй Брачно-погребальные обычаи и религиозные верования народа Когурё / Линь Маоюй, Ли Лунбинь // Северные древности. 2002. № 3. С. 52–56.
11. Лю Вэй О распространении даосизма в Когурё и содержании понятия «дао» // Вестник Тунхуаского педагогического института. 2014. Т. 35, № 1. С. 21–23.
12. Лю Сюй. Цзю Тан шу. Восточные варвары. Повествование о Гаоли. Пекин : Чжунхуа шуцзюй, 1975.
13. Стела Квангэтхо-вана // Цзян Вэйдун. Хронология истории Когурё. Пекин : Кэсюэ чубаньшэ, 2016.
14. Сунь Вэйжань Влияние Когурё на буддийскую и даосскую культуру Японии // Голос Дхармы. 2020. № 8. С. 5–64.
15. Чжан Бибо Изображения четырёх священных животных в когурёских гробницах с росписями в связи с китайской астрономией и мифологией // Северные древности. 2005. № 1.
16. Чжу Цзянь Анализ состояния исследований Когурё за 40 лет политики реформ и открытости – на основе статистического и содержательного анализа научных результатов // Китайское приграничье. 2020. № 1. С. 123–144.
17. Чон Хотхэ. Когурёские гробницы с настенными росписями. Сеул : Тольбэгэ, 2016. С. 79.

18. Чэнь Шоу Сань го чжи. Вэй чжи. Повествование о Когурё. Пекин : Чжунхуа шуцзюй, 1974.

19. Ян Лу «Культ плодородия» в древних настенных росписях когурёских гробниц / Ян Лу, Цюань Ин // Искусство и жизнь – Вестник Фучжоуского университета (серия «Искусство»). 2019. № 5.

20. Ян Лу Возникновение и развитие культуры священных гор в древней Корее – на материале мифов и археологических находок / Ян Лу, Ким Ми-хён // Сборник мифологических исследований. 2022. Вып. 2.

21. Ян Лу Мифологические истоки и социальное сознание культа птиц в Когурё / Ян Лу, Цюань Ин // Исследования по литературной антропологии. 2020. № 1.

22. Ян Лу. Исследование представлений о жизни и смерти в гробнице с росписями в Токхын-ни, Корея // Вестник Тунхуаского педагогического института. 2021. № 5. С. 33–34.

23. Ян Лу. Китайское древо цзяньму и жертвенное древо Корейского полуострова в мифологическом контексте // Сборник мифологических исследований. 2020. Вып. 2.

24. Яо Сылянь. Лян шу. Повествования о варварах. Повествование о Гаоцзюйли. Пекин : Чжунхуа шуцзюй, 1973.

Reference list

1. Arheologičeskij otrjad provincii Czilin', Upravlenie ohrany pamjatnikov uезда Czian'. Grobnica s rospisjami Chanchhon № 1 v Cziane = Jilin Province Archaeological Unit, Jian County Monument Protection Office. Changcheon Mural Tomb № 1 in Jian // Sbornik otchjotov o kogurjoskih pogrebenijah v Cziane provincii Czilin'. Pekin : Kjesjuje chuban'shje, 2009.

2. Chjen' Shou San' go chzhi. Vjej chzhi. Povestvovanie o Kogurjo = San guo zhi. Wei zhi. Goguryeo narrative. Pekin : Chzhunhua shuczjuj, 1974.

3. Chon Hothje. Kogurjoskie grobnicy s nastennymi rospisjami = Kogurye tombs with wall paintings. Seul : Tol'bjegje, 2016. S. 79.

4. Chzhan Bibo Izobrazhenija chetyrjoh svjashennyh zhivotnyh v kogurjoskih grobnicah s rospisjami v svjazi s kitajskoj astronomiej i mifologiej = Images of four sacred animals in Kogur tombs with paintings in connection with Chinese astronomy and mythology // Severnye drevnosti. 2005. № 1.

5. Chzhu Czjan' Analiz sostojanija issledovanij Kogurjo za 40 let politiki reform i otkrytosti – na osnove statističeskogo i sodержatel'nogo analiza nauchnyh rezul'tatov = Analysis of the state of Goguryeo research over 40 years of reform and openness policy – based on statistical and meaningful analysis of scientific results // Kitajskoe prigranich'e. 2020. № 1. S. 123–144.

6. Gjen Tehua Stoletnij obzor issledovanij istorii i kul'tury Kogurjo = Centennial survey of Goguryeo history

and culture studies // Front obshhestvennyh nauk. 2019. № 8. S. 163–179.

7. Irjon. Samguk jusa Chuvstva i otkliki. Sed'maja glava. Kim Hjon ukroshhaet tigra = Samguk yusa Feelings and responses. Seventh chapter. Kim Hyun taming a tiger / per. Chjen' Pucina. Chansha : Jujelu shushje, 2009.

8. Jan Lu «Kul't plodorodija» v drevnih nastennyh rospisjah kogurjoskih grobnic = «The cult of fertility» in the ancient wall paintings of Kogurye tombs / Jan Lu, Cjuan' In // Iskustvo i zhizn' – Vestnik Fuchzhouskogo universiteta (serija «Iskusstvo»). 2019. № 5.

9. Jan Lu Mifologičeskie istoki i social'noe soznanie kul'ta ptic v Kogurjo = Mythological origins and social consciousness of the bird cult in Goguryeo / Jan Lu, Cjuan' In // Issledovanija po literaturnoj antropologii. 2020. № 1.

10. Jan Lu Vozniknovenie i razvitie kul'tury svjashennyh gor v drevnej Korее – na materiale mifov i arheologičeskikh nahodok = The emergence and development of the culture of sacred mountains in ancient Korea – based on the material of myths and archaeological finds / Jan Lu, Kim Mihjon // Sbornik mifologičeskikh issledovanij. 2022. Vyp. 2.

11. Jan Lu. Issledovanie predstavlenij o zhizni i smerti v grobnice s rospisjami v Tokhyn-ni, Koreja = Exploring ideas about life and death in a mural tomb in Tokhin-ni, Korea // Vestnik Tunhuaskogo pedagogičeskogo instituta. 2021. № 5. S. 33–34.

12. Jan Lu. Kitajskoe drevo czjan'mu i zhertvennoe drevo Korejskogo poluostrova v mifologičeskom kontekste = Chinese jiangmu tree and Korean Peninsula sacrificial tree in mythological context // Sbornik mifologičeskikh issledovanij. 2020. Vyp. 2.

13. Jao Syljan'. Ljan shu. Povestvovanija o varvarah. Povestvovanie o Gaoczjujli = Liang shu. Narratives on barbarian. Gaojuli narrative. Pekin : Chzhunhua shuczjuj, 1973.

14. Kim Busik Samguk sagi. Annaly Kogurjo. Osnovatel' Tonmjjon-sonvan = Samguk sagi. Annals of Goguryeo. Founder of Tonmyeon-sonwan / pod red. Sun' Vjen'fanja. Czilin' : Czilin' vjen'shi chuban'shje, 2003. S. 174–175.

15. Ko Kjonhi. Mirovozzrenie «pichhon», zalozhennoe v tanch Kogurjo = The «picheon» worldview embedded in Goguryeo dance // Issledovanija korejskogo tanca. 2015. T. 33.

16. Li Dalun. Analiz istoričeskogo konteksta i celej konstruirovaniya mifa ob osnovanii gosudarstva Kogurjo = Analysis of the historical context and goals of constructing the myth of the founding of the Goguryeo state // Istoričeskij sbornik. 2021. № 5.

17. Li Dashi. Bjej shi. Povestvovanie o Gaoli = Bay shea. Gaoli narrative. Pekin : Chzhunhua shuczjuj, 1974.

18. Lin' Maojuij Brachno-pogrebal'nye obychai i religioznye verovanija naroda Kogurjo = Marriage and burial customs and religious beliefs of the Goguryeo peo-

ple / Lin' Maojui, Li Lunbin' // Severnye drevnosti. 2002. № 3. S. 52–56.

19. Lju Sjuj. Czju Tan shu. Vostochnye varvary. Povestvovanie o Gaoli = Tszyu Tang shu. Eastern barbarians. Gaoli narrative. Pekin : Chzhunhua shuczjuj, 1975.

20. Lju Vjej O rasprostraneni daosizma v Kogurjo i sodержanii ponjatija «dao» = On the spread of Taoism in Goguryeo and the content of the concept of «Tao» // Vestnik Tunhuaskogo pedagogicheskogo instituta. 2014. T. 35, № 1. S. 21–23.

21. Stela Kvangjetho-vana = Stela Kwangeth-wana // Czjan Vjejdun. Hronologija istorii Kogurjo. Pekin : Kjesjuje chuban'shje, 2016.

22. Sun' Vjezhhan' Vlijanie Kogurjo na buddijskuju i daosskuju kul'turu Japonii = Goguryeo's influence on Japanese Buddhist and Taoist culture // Golos Dharmy. 2020. № 8. S. 5–64.

23. Vjej Chzhjen. Suj shu. Vostochnye varvary. Povestvovanie o Gaoli = Sui shu. Eastern barbarians. Gaoli narrative. Pekin : Chzhunhua shuczjuj, 1975.

24. Vjej Shou Vjej shu. Povestvovanie o Kogurjo = Wei shu. Goguryeo narrative. Pekin : Chzhunhua shuczjuj, 1974.

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 20.06.2025; принята к публикации 31.07.2025.

The article was submitted 26.05.2025; approved after reviewing 20.06.2025; accepted for publication 31.07.2025.